

Деятельность врача Владимира Ивановича Турбина в период немецкой оккупации Орла, 1941–1943

Ложков Виктор

*«Родина одна, и когда на неё нападает враг —
мы должны её спасать».
В. И. Турбин¹*

Врач и монах

Владимир Иванович Турбин (1905–1972) — орловский врач-инфекционист, потомственный дворянин и тайный монах. Он был легендарным врачом уникальной квалификации, за четыре десятилетия практики он спас тысячи пациентов. Его имя передавалось в Орле из уст в уста, и нередко люди обращались к нему с последней надеждой на исцеление. И он не отказывал никому. Но почти никто в то время не знал о другой стороне его жизни. В 1934 году, в разгар открытых гонений на Церковь, он принял монашеский постриг с именем Никон из рук будущего священномученика архиепископа Александра (Щукина)². Турбин с детства был воспитан в христианской вере, и такой поступок в разгар безбожного времени уже можно было назвать актом исповедничества. На протяжении всей жизни он неоднократно пытался уйти в монастырь, но по разным причинам это сделать не удавалось. Так получилось, что у Турбина был свой путь, он служил Богу и людям своим врачебным даром и молитвой.

Как исполнить своё призвание в жизни? Для доктора Турбина ответ лежал в области веры. Он не выбирал себе обстановку покомфортнее: Господь поставил его именно здесь и именно в этих условиях — заведующим инфекционным отделением в оккупированном Орле. И он с честью исполнил то, к чему был призван.

Всё остальное для него стало следствием жизни по вере: спасённые жизни, готовность самоотверженно трудиться, безотказность в любое время дня и ночи, верность врачебному долгу — и то, что мы называем настоящим патриотизмом. Доктор Турбин в годы немецкой оккупации Орла стал одним из организаторов подпольного госпиталя, известного как «Русская больница». На протяжении 22 месяцев оккупации (октябрь 1941 — август 1943 гг.) В.И.

¹ Свидетельство Е. А. Задернюк. Цит. по: Павлова Т. Тайный монах // Орловская правда. 2005. 30 апр. С. 3.

² Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович — врач-инфекционист, заведующий инфекционным отделением больницы МОПРа, в 1941–1943 гг. один из организаторов «Русской больницы» // Портал «Орёл по-русски». 21.12.2025. URL: <http://орёлпорусски.рф/2025/12/21/turbin-vladimir-ivanovich->.

Турбин и его коллеги, действуя под угрозой расстрела немцами, тайно укрывали и лечили раненых красноармейцев, переписывали их документы, выдавая за гражданских лиц. После выписки сотрудники больницы содействовали дальнейшему скрытному перемещению своих пациентов: искали конспиративные квартиры в городе, координировали их отправку к партизанам или через линию фронта. По различным оценкам, «Русская больница» спасла порядка тысячи бойцов и командиров Красной армии.

Господь хранил Своего человека: за два года оккупации не раз случалось так, что доктор мог быть расстрелян — немецкий офицер грозил расстрелять всех врачей, если раненых не выдадут; в отделение подсылали осведомителей; после доноса Турбина едва не выслали из города. Но всякий раз опасность миновала, а «Русская больница» продолжала работать.

Настоящая любовь к Родине основана не на пропаганде и лозунгах, но на подлинно христианских и исконно русских основаниях — любви к своей земле и жертвенного служения людям. Доктор Турбин, брата которого репрессировали до войны, не путал Родину с государством: власть может быть несправедливой, но земля, на которой ты вырос, и люди, которым сейчас нужна помощь, от этого не перестают быть своими. Далее расскажем о том, как скромный, но жертвенный доктор стал главным спасителем для красноармейцев, попавших в плен под Орлом.

Оккупированный Орёл

Кратко обозначим обстановку, в которой возникла и работала «Русская больница».

— 3 октября 1941 г. в ходе операции «Тайфун» передовые части 2-й танковой группы Г. Гудериана, стремительно наступая в сторону Москвы, заняли город Орёл; захват был настолько внезапным, что в городе ещё ходили трамваи³.

— Оккупация Орла продлилась 22 месяца — с 3 октября 1941 г. по 5 августа 1943 г.⁴

— Из 114 тысяч довоенных жителей в городе осталось, по разным оценкам, от 30 до 50 тысяч человек; кроме того, здесь оказались сотни раненых красноармейцев, которых не успели эвакуировать⁵.

— Время оккупации характеризовалось идеологическим разделением среди населения:

³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Цит. по: Орловский военный вестник: Военно-исторический журнал. Вып. 4: 75 лет начала оккупации Орла. Орёл: Картуш, 2016. С. 49.

⁴ Перелыгин А. И. Орловская епархия в новейшей истории. Белгород: Константа, 2022. С. 135.

⁵ Переверзев В. И. Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). Орёл: Вешние воды, 2005. С. 139–160. URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

существовали и идейные коллаборационисты-антисоветчики, и партизаны-подпольщики. Большинство населения, безусловно, хотело мирной жизни и ожидало снятия оккупации, многие активно помогали партизанам. Наиболее известный пример коллаборационизма — сыскное отделение полиции («русское гестапо»), которое возглавлял бывший орловский купец М. Букин; он работал под руководством шефа СД Коха и отличался жестокостью. Одновременно в городе действовало несколько подпольных партизанских групп: группа А. Н. Комарова (Жорес); группа Владимира Сечкина и Нины Алексеевой; молодёжная группа Валентина Берзина, от которой сохранился дневник 1941–1942 гг. Среди самых громких акций орловского подполья — взрыв 11 ноября 1941 г. гостиницы «Коммуналь», где находилось около 150 офицеров резерва танковой армии Гудериана⁶.

— Оккупационный режим отличался жестокостью: жителей расстреливали за появление на улицах после наступления темноты, подвергали казни через повешение «за саботаж» и «за неподчинение»⁷.

— Гуманитарная обстановка была крайне тяжёлой: водопровод и электричество не работали, воду носили из реки и колодцев, топлива не было — жгли заборы, мебель и книги; паёк составлял 40 граммов гнилой сои, и к началу 1942 г. в городе начался мор от голода, холода и болезней⁸.

— Городское хозяйство было полностью парализовано: не работало ни одно предприятие, торговля прекратилась, соль заменяла деньги при натуральном обмене; всё трудоспособное население сгоняли на дорожные работы, а уклонение строго каралось⁹.

— В здании Орловского централа был устроен лагерь для военнопленных и арестованных гестапо — «Армейский сборно-пересыльный пункт № 20», один из крупнейших лагерей, созданных немцами на оккупированной территории¹⁰.

— Одновременно в городе возрождалась церковная жизнь: немцы не препятствовали открытию закрытых большевиками храмов, и к 1943 г. в Орловской области действовало

⁶ Подпольное движение // Балакин Ю. Н. Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 60–63.

⁷ Переверзев В. И. Легенда Орла...

⁸ Там же.

⁹ «Справка» М. П. С-го от 31 августа 1962 г. // Полынкин А. М. Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш, 2021. С. 31–35.

¹⁰ Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 119–120.

или готовилось к освящению 34 православных храма¹¹.

— Общие потери региона превысили 620 тысяч человек: 4243 мирных жителя были убиты и замучены, 56 490 угнаны на каторжные работы в Германию, 8111 советских военнопленных расстреляны¹².

Создание «Русской больницы»

К началу оккупации в Орле действовала Областная больница им. МОПРа — крупнейшее лечебное учреждение города, занимавшее квартал в Школьном переулке (ныне бульвар Победы, территория Орловской Областной Клинической Больницы); инфекционное отделение — «заразные бараки» — располагалось обособленно, в деревянных корпусах за глухим дощатым забором. С началом войны на базе больницы было дополнительно открыто 100 коек для инфекционных военнослужащих, обслуживание которых также поручили заведующему отделением В. И. Турбину¹³. В это же время в городе работал Окружной военный госпиталь № 399. Это был комплекс из 3 зданий: в настоящее время сохранился корпус №3 (совр. ул. Панчука, 6); корпуса №1 и №2 не сохранились, сейчас это территория Средней общеобразовательной школы № 23 (ул. Панчука, 4). Госпиталь №399 принимал раненых красноармейцев; на 3 октября 1941 г. в нём оставались 576 тяжелораненых, не успевших эвакуироваться¹⁴.

Утром 3 октября 1941 г. передовые части 2-й танковой группы Г. Гудериана без боя вошли в Орёл, и началась оккупация города. Начальник госпиталя № 399 военврач 3-го ранга Н. Т. Матросов приказал по одному военврачу остаться при каждом из трех корпусов; этими врачами стали С. П. Протопопов, Б. Н. Гусев и А. А. Беляев¹⁵. Начальник армейской госпитальной базы бригадный врач В. А. Смирнов, предугадывая действия оккупационных властей, официально представился немцам, которые назначили его куратором «русских» лечебных учреждений. Врач понимал, что больница для гражданских обязательно будет

¹¹ Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 135–136, 139–140, 143.

¹² Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: сборник архивных документов. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «Воевода», 2020. С. 52.

¹³ Турбин В. И. Воспоминания. Инфекционное отделение Орловской областной больницы во время оккупации города Орла немцами, 14 сентября 1962 г. // Полынкин А. М. Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш, 2021. С. 37.

¹⁴ Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 148.

¹⁵ Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Документы. Публикации. Воспоминания. Фотографии. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 113.

работать: немцы боялись инфекций и нуждались в рабочей силе. Под прикрытием этой больницы можно было спасать раненых солдат¹⁶. По воспоминаниям В. И. Турбина, при появлении немцев матери уносили детей, ходячие больные разбегались сами; в инфекционном отделении осталось 26 военнослужащих, больных дизентерией, — их истории болезни были немедленно переписаны как на гражданских лиц¹⁷.

В первый день немцы заняли лучшие здания города, в том числе военный госпиталь №399 под свой лазарет, выбросив русских раненых на улицу.¹⁸ Сотрудники госпиталя не оставили своих пациентов, решив переправить их в инфекционное отделение Областной больницы им. МОПРа. Согласно воспоминаниям С. П. Протопопова и В.Л. Цветкова, переправа раненых в инфекционное отделение Областной больницы продолжалась всю ночь с 3 на 4 октября: «На носилках, на тележках, на досках, с помощью любых подручных средств» раненых несли с противоположного конца города¹⁹. Перенести за ночь большое количество тяжёлых больных силами одного медперсонала было невозможно: согласно Протопопову, «население уже в это время помогало раненым» — горожане шли к госпиталю, помогая нести их на самодельных носилках²⁰. Тогда же В. А. Смирнов и завхоз госпиталя С. С. Петухов вывезли со склада остатки медикаментов и инструментов; аналогичный резерв утаили заведующая больничной аптекой М. А. Зайцева и провизор П. В. Чикина²¹.

Итак, здания военного госпиталя, кроме 3-го корпуса, были заняты немцами. Пациентов из корпусов №1 и 2 за ночь переместили в областную больницу им. МОПРа, сюда же подтянулись раненые из других оставленных в Орле госпиталей. Таким образом, в областной больнице собралось около тысячи раненых²².

Утром 4 октября во двор инфекционного отделения, заполненный стонущими ранеными, явился немецкий офицер и заявил В. И. Турбину: «Это наши военнопленные. Завтра вы должны перевезти их в пункт сбора военнопленных. Если вы этого не сделаете, через час все врачи будут расстреляны»²³. Пунктом сбора был Орловский централ, превращённый в

¹⁶ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁷ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–38.

¹⁸ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁹ Там же.

²⁰ Протопопов С. П. Врачебный долг и война // Путь длиною в 220 лет... С. 117–118.

²¹ Путь длиною в 220 лет... С. 109.

²² Саран А. Ю. Фашистские застенки. Концлагеря и тюрьмы оккупированной Орловщины 1941–1943 гг. Орёл: Картуш, 2026. С. 400.

²³ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

концлагерь. Турбин стал главным организатором приёма: он сам занимался диагностикой и лечением, а медсёстры Н. И. Меркулова (Яичкина), И. Вашурина, М. М. Юрасова, О. И. Евсютина переписывали истории болезни, выдавая красноармейцев и командиров за гражданских лиц - колхозников и жителей Орла²⁴; на заборе появились надписи на немецком и русском: «Не входить. Заразная болезнь».

5 октября 1941 г. на общем собрании медицинских работников военного госпиталя и персонала Областной больницы произошло объединение двух коллективов; новое лечебное учреждение получило название «Русская больница» (в противовес немецким госпиталям, развернутым в Орле). Главным врачом был избран В. А. Смирнов как старший по званию; заместителем по лечебной части стал А. А. Беляев²⁵. Хирургическое подразделение возглавили С. П. Протопопов и Б. Н. Гусев; правой рукой Протопопова стал военврач-хирург А. С. Минаковский. Оккупационные власти не закрыли больницу: они опасались эпидемических вспышек тифа в важном стратегическом пункте и стремились использовать военнопленных как бесплатную рабочую силу²⁶. Вместе с тем, как сообщает А. Ю. Саран, «в декабре 1941 г. они распорядились всех выздоравливающих переводить в концлагерь»²⁷.

Медсестра Вера Петровна Кушевич, работавшая под началом глазного врача В. Н. Преображенского, вспоминала: «Работа нас не кормила, заработной платы за месяц едва хватало на тарелку картошки, поэтому мы после работы ходили по полям, раскапывали землю, искали оставшуюся картошку. ... Но мы на работу все же ходили. В нашей работе нуждались люди, свои, русские люди. И, кроме того, наша работа нас освобождала от работы на немцев и от отправки в Германию на принудительные работы».²⁸

Следующий важный эпизод произошел в ночь на 16 декабря 1941 г. «Когда на улице был трескучий мороз», гитлеровцы ворвались на территорию Областной больницы и под угрозой расстрела трёх первых попавшихся под руку врачей потребовали в течение получаса освободить главный корпус; причиной стало контрнаступление Красной Армии под Москвой и потребность в помещениях для немецких раненых, которых доставляли в тыл на излечение²⁹

²⁴ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, ок. 1966 г. Л. 68.

²⁵ Путь длиною в 220 лет... С. 109, 113.

²⁶ Там же. С. 109.

²⁷ Саран А. Ю. Фашистские застенки... С. 400.

²⁸ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания В. П. Кушевич, медсестры «Русской больницы». Л. 27.

²⁹ Из выступления М. М. Мартынова // Путь длиною в 220 лет... С. 113.

Раненых распределили по трём направлениям: всех военных переправили в корпус № 3 бывшего госпиталя № 399 (рассчитанный на 250 коек, он принял свыше 900 человек); часть гражданских — в деревянные бараки инфекционного отделения; около ста тяжёлых на сохранившейся больничной лошади перевезли в психиатрическую больницу в д. Кишкинка под Орлом. Б. Н. Гусев остался при раненых у В. И. Турбина, А. А. Беляев отправился в Кишкинку, С. П. Протопопов — в корпус № 3³⁰.

Период зимы-лета 1942 г. сопровождался перемещениями отделов «Русской больницы». В феврале 1942 г. гитлеровцы под предлогом «эвакуации» вывезли из корпуса №3 около 500 раненых, погрузили в товарный эшелон и отправили на Запад. В дороге из-за отсутствия ухода, питания и даже отопления, раненые погибли; в живых остались двое — лётчик В. И. Шилов и танкист по имени Костя; ушедший с эшеленом врач А. С. Минаковский умер на руках у Шилова. К концу февраля в корпусе оставалось около 250 раненых, которых переправили в Кишкинку. В мае 1942 г. Протопопова выселили в полуразрушенное здание биофабрики под Орлом, а в августе 1942 г. перевели в Орёл, на ул. Тургенева, д. 27, где уже работал Б. Н. Гусев³¹. В.И. Турбин вспоминал, что весной 1942 г. все отделения больницы, кроме инфекционного, перешли в освободившееся на Тургеневской улице здание, и в бараках осталось одно инфекционное отделение³². Таким образом, «Русская больница» была рассредоточена по нескольким зданиям в городе, у каждого отделения был свой врач-руководитель.

Главной задачей врачей было удержать больных в стенах «Русской больницы» до освобождения, не допустив отправки в концлагерь или «эвакуации» в немецкий тыл. Помимо непосредственно лечения и спасения жизней пациентов, врачи шли на некоторые профессиональные хитрости. С. П. Протопопов приводит следующие случаи: «У лётчика Синицына уже на зажившем переломе таза мы держали обширную гипсовую повязку до освобождения Орла; у Прокофьева поддерживали незаживление свища мочевого пузыря с этой же целью. С приходом наших частей свищ у него зажил в течение недели»³³ Хирурги, по тому же свидетельству, «помогали больным симулировать осложнения ранений, гнойные процессы, даже шок»; в день, когда немцы собирались увезти бойца на допрос, его тайком обкалывали

³⁰ Там же. С. 113–114.

³¹ Там же. С. 114–115.

³² Турбин В. И. Воспоминания... С. 39.

³³ Протопопов С. П. Врачебный долг и война... С. 119.

снотворным³⁴. Вторым ключевым приёмом было систематическое списание выздоравливающих как умерших: патологоанатом В. Е. Фарафонов «аккуратно вёл список умерших и предъявлял его жандармам».³⁵ Выздоровляющим же выписывали справки о том, что они — местные жители, переболевшие, к примеру, тифом; их переодевали в гражданскую одежду, которую сами врачи собирали у родственников (по воспоминаниям Турбина, он отдал больным даже одежду брата, ушедшего на фронт, и часть собственной)³⁶. Часть выздоровевших ставили «на легальное положение» под видом родственников в домах медсестёр; других направляли в партизанские отряды или через линию фронта с помощью орловского подполья. Существенную роль в выживании пациентов играла помощь местного населения: жители города приносили в больницу еду - суп, варёную картошку и другие продукты, а отдельные семьи (например, семья Сергеевых, обеспечивавшая лётчика А. Д. Гомзикова на протяжении более чем годичного срока) брали полное содержание раненого на себя³⁷.

Оценки масштаба врачебной помощи различаются в зависимости от того, по какому подразделению они даны: С. П. Протопопов опирался на собственный именной список хирургического отделения (412 раненых, прошедших через корпус № 3 и Тургеневскую улицу, в их числе лётчики К. И. Синицын и А. Д. Гомзиков, танкист И. И. Захаров, партизаны Ущербов и Марков)³⁸; В. Л. Цветков же, обобщая работу всей «Русской больницы» (инфекционное, хирургическое отделения и тюремный филиал), утверждал, что «не считая гражданских лиц, «Русская больница» спасла около тысячи бойцов и командиров Советской Армии»³⁹.

Вместе с тем В. Л. Цветков прямо отмечал, что далеко не всех раненых удавалось спасти: «Я то и дело был свидетелем, как к нам привозили действительно тяжелобольных, иногда агонизирующих, а утром у ворот складывали трупы, которые увозили на санях на кладбище»⁴⁰. В день освобождения Орла 5 августа 1943 г. «Русская больница» передала командованию Красной Армии свыше 200 бойцов и офицеров (в том числе 152 бывших узника концлагеря) и 22 боевых лётчика. Кроме того, в последние дни оккупации, воспользовавшись

³⁴ Там же.

³⁵ Путь длиною в 220 лет... С. 110–111.

³⁶ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–38.

³⁷ Протопопов С. П. Врачебный долг и война... С. 119–120.

³⁸ Из воспоминаний С. П. Протопопова // С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сборник документов. Орёл: БУОО «Государственный архив Орловской области», 2015. С. 149.

³⁹ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

⁴⁰ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция! // Путь длиною в 220 лет... С. 121.

замешательством немцев, врачи сумели вывезти из лагеря военнопленных и укрыть ещё 135 человек.

Посетивший больницу в день освобождения академик Н. Н. Бурденко сказал: «... у вас тут настоящий подпольный госпиталь. Это выигранное сражение!»⁴¹. Почетный гражданин Орла, участвовавший в его освобождении, маршал И.Х. Баграмян писал в 1964 г.: «Так называемая «русская больница» в оккупированном фашистами Орле, являвшаяся своеобразным подпольным военным госпиталем, не только спасла многих наших летчиков, танкистов, артиллеристов, пехотинцев от гибели в плену, но помогла им возвратиться в ряды защитников Родины. Существование подпольного военного госпиталя и деятельность его бесстрашного персонала похожи на волнующую легенду, хотя это – самая подлинная быль о советских патриотах».⁴²

Многие спасённые сохранили благодарность врачам на всю жизнь. Лётчик А. Д. Гомзиков, сбитый над Орлом 7 июня 1942 г. и вылеченный в больнице, писал С. П. Протопопову: «Я только знаю одно, что Вы спасли мою жизнь... Один меня породил, второй вернул мне жизнь»⁴³. Лётчик-истребитель К. И. Синицын благодарил врачей за то, что они «сумели вырвать из кровавых лап немецких захватчиков»⁴⁴. Сохранились также письма и воспоминания других спасённых — лётчика В. И. Шилова⁴⁵, капитана В. Маркова⁴⁶ и военврача Е. А. Фёдорова⁴⁷. Особое место занимает заявление В. И. Дмитриевского, укрытого Турбиным в инфекционном отделении в последние недели оккупации: оно поспособствовало награждению сотрудников отделения и самого Турбина медалями⁴⁸.

Судьба участников «Русской больницы» в послевоенные годы сложилась по-разному. Главврач В. А. Смирнов выдержал «сто мучительных дней» проверки: обвинения в сотрудничестве с оккупантами против него отпали, однако в 1945 г. он был уволен в запас «за

⁴¹ Путь длиною в 220 лет... С. 111–112.

⁴² Баграмян И. Х. Воспоминания о «Русской больнице», 1964 г. // *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

⁴³ Письма А. Д. Гомзикова С. П. Протопопову, 19 сентября 1943 г. и 4 января 1944 г. // *С правдой о войне...* С. 151–152.

⁴⁴ Письмо К. И. Синицына С. П. Протопопову, 25 сентября 1943 г. // *С правдой о войне...* С. 153.

⁴⁵ Письмо лётчика В. Шилова писателю М. М. Мартынову, 10 февраля 1961 г. // *Орловский военный вестник...* Вып. 4. С. 97–98.

⁴⁶ Письмо капитана В. Маркова, бывшего заместителя начальника управления НКВД по Киевской области, цит. в письме писателя А. Г. Глебова начальнику тыла РККА генерал-полковнику А. В. Хрулёву от 15 декабря 1943 г. // *Путь длиною в 220 лет...* С. 127–128.

⁴⁷ *Протопопов С. П.* Врачебный долг и война... С. 119.

⁴⁸ Заявление В. И. Дмитриевского в Наградной отдел Орловского облисполкома // *Путь длиною в 220 лет...* С. 128.

невозможностью использования», а время работы в оккупированном Орле вычеркнули из его стажа. Приказ о восстановлении его в воинском звании полковника медицинской службы был издан лишь 24 апреля 1958 г., когда Смирнов «доживал уже последние дни», — в том же году он умер от инфаркта.⁴⁹ Медалью «За отвагу» он был награждён посмертно — Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 сентября 1965 г.⁵⁰ С. П. Протопопов и Б. Н. Гусев сразу после освобождения города работали с Н. Н. Бурденко: при приезде в Орёл тот включил обоих врачей в состав правительственной комиссии по расследованию немецких зверств.⁵¹ В. И. Турбин был арестован «буквально на следующий день после освобождения города» по обвинению в сотрудничестве с оккупантами — вместе со многими из тех, кто работал с ним.⁵² Через несколько месяцев он был освобождён и продолжил работу: как отмечает В. И. Переверзев, «слова генерала Бурденко оказали воздействие».⁵³ Медицинские сёстры продолжили работать в больнице, возобновлённой в декабре 1943 г. на базе подпольного госпиталя.⁵⁴ Протопопов впоследствии вернулся в московский Институт хирургии, защитил докторскую диссертацию и стал профессором.⁵⁵

Инфекционное отделение под руководством В. И. Турбина

Инфекционное отделение Областной больницы им. МОПРа, которым заведовал В.И. Турбин, располагалось обособленно, через дорогу от основной территории больницы и было окружено глухим деревянным забором. В наши дни на этом месте находится Областная Консультативная Поликлиника (Орел, бульвар Победы, д. 8), старые здания не сохранились.

Коллектив инфекционного отделения был не очень большим. Согласно списку сотрудников «Русской больницы», увековеченных в музее областной больницы, помимо заведующего В. И. Турбина в инфекционном отделении работали врачи Л. А. Цветкова, Ю. Н. Бондаренко, З. В. Горлевская и Н. А. Баяндин, фельдшер приёмного покоя И. Д. Мотренко, старшая медсестра М. М. Юрасова, медсёстры Н. И. Яичкина (Меркулова), О. И. Евсютина

⁴⁹ Послесловие из книги «Подпольный госпиталь» // Мартынов М. М., Эвентов А. М. Путь длиною в 220 лет... С. 126–127.

⁵⁰ Из Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 сентября 1965 г. // Путь длиною в 220 лет... С. 129.

⁵¹ Письмо писателя А. Г. Глебова начальнику тыла РККА генерал-полковнику А. В. Хрулёву от 15 декабря 1943 г. // Путь длиною в 220 лет... С. 127.

⁵² *Перельгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

⁵³ *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

⁵⁴ Путь длиною в 220 лет... С. 112.

⁵⁵ Там же. С. 125–126.

(Филипович) и И. Вашурина, несколько санитарок и нянь, а также истопник В. Л. Цветков.⁵⁶ Владимир Леонидович, в будущем известный орловский офтальмолог, оставивший воспоминания об инфекционном отделении в годы войны, попал на работу в отделение к Турбину по стечению обстоятельств. Перед наступлением немцев его батальон не успел уйти из города, ему пришлось остаться в Орле и уйти в подполье, а его мать, Л. А. Цветкова, устроила его на работу санитаром-истопником.⁵⁷

Благодаря хорошему владению немецким языком врач Людмила Александровна Цветкова, при появлении немецких офицеров, вела с ними объяснения и убеждала их не заходить на территорию инфекционного отделения и в бараки.⁵⁸ Знание немецкого Цветковой также стало и оружием маскировки: её рукой на заборах отделения были выведены предупреждающие надписи — «тиф», «заразные болезни», «осторожно, опасная инфекция!». Немцы очень боялись заражения, и эти надписи на протяжении всей оккупации служили щитом, отпугивавшим их от барачников. В обмен на переводы медицинских статей Цветкова выпрашивала у немецких врачей лекарства, которые, по словам В. Л. Цветкова, «ценили на вес золота и использовали только для тяжёлых больных».⁵⁹

Условия работы были крайне тяжёлыми. Водонасосная станция не действовала — воду возили на лошади в бочке из Оки и носили вёдрами из колодца; бельё стирали в дезинфекционной камере; окна без стёкол закладывали кирпичом; помещения освещали копилками на керосине, бензине или машинном масле, которые сотрудники приносили из дома; печи топили добытыми сучьями и корнями спиленных деревьев, поскольку городская управа, по словам Цветкова, «не выделила ни полена дров».⁶⁰ Питание было крайне скудным — соя, крупа, простокваша, соевое масло.⁶¹

Продовольствие для отделения медики добывали сами. Врачи, в том числе сам В. И. Турбин, занимались ради этого частной практикой в городе, а медсёстры, имевшие пропуск в

⁵⁶ Список сотрудников «Русской больницы», увековеченных в музее Орловской областной клинической больницы // Путь длиною в 220 лет... С. 132–133.

⁵⁷ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

⁵⁸ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 69.

⁵⁹ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 70.

окрестные сёла, выменивали продукты «в обмен на медицинские советы и лечение».⁶² Сам Турбин, по свидетельству медсестры Ольги Игнатьевны Евсютиной, отдавал больным даже скудный паёк дежурного врача — «суп тарелку и кусочек хлеба», — и «просил даже передать, что он не трогал руками».⁶³

16 декабря 1941 г. немцы заняли главный корпус Областной больницы им. МОПРа под свой лазарет. В связи с этим на территории инфекционного отделения временно разместились изгнанные из здания отделения — хирургическое (во главе с Б. Н. Гусевым), гинекологическое, глазное, ушное, терапевтическое, нервное и венерическое; такая скученность сохранялась до их перевода на Тургеневскую улицу весной 1942 г.⁶⁴ Медсестра Нина Ивановна Яичкина вспоминала, что «наше отделение приняло все отделения на территории и разместило их так: 2-й барак — инфекционные больные (тифы, дифтерия); 3-й барак — с одной стороны хирургия (зав. отделением Гусев), с второй стороны — гинекология, зав. отделением Цуканова; 7-я палата — терапия и нервное, 6-я палата — ушное и глазное; 8 палата — дифтерия; 5-я палата — тифы».⁶⁵ Соседство отделений упростило укрытие раненых. «Врач Б. Н. Гусев, работавший в хирургическом отделении, через мою мать познакомился с Владимиром Ивановичем, — вспоминал В. Л. Цветков, — который согласился принимать наших военнопленных из хирургического отделения и укрывать их в заразных бараках, пока им не подберут «родственников» или не обеспечат переход через линию фронта».⁶⁶

Через отделение проходили и военнопленные, и гражданское население. Турбин отмечал, что «на протяжении всего времени оккупации инфекционное отделение было всё время заполнено также больными из гражданского населения», особенно сыпным тифом и дифтерией.⁶⁷ По свидетельству В. Л. Цветкова, из-за подпольной работы «число гражданских больных было ограничено, и доктор Турбин, чтобы компенсировать отсутствие стационарного обслуживания больных, безотказно выезжал, вернее, ходил на вызовы до комендантского часа. Внимательно осматривал больных тифом на дому, подробно объяснял правила ухода и лечения, а главное — борьбы со вшами. Порой не уходил, пока при нём не сделают тщательной дезинфекции. При этом он очень скрупулёзно выполнял меры личной предосторожности и

⁶² Путь длиною в 220 лет... С. 109–110, 120–122.

⁶³ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

⁶⁴ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания Н. И. Яичкиной (Меркуловой).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

⁶⁷ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

поэтому за всё это время ничем не заразился».⁶⁸

В переполненных бараках угроза тифа была постоянной, и Турбин вёл с ней непримиримую борьбу. Опасность была всеобщей: при малейшем нарушении эпидрежима персонал расплачивался жизнью — от тифа умерли хирург Н. А. Баяндин и врач Ю. Н. Бондаренко, несколько медсестёр и санитарок; на несколько месяцев слегла в сыпняке Л. А. Цветкова.⁶⁹ «За обнаруженную вошь или грязь Турбин давал такой разгон, что не пожелаешь, — вспоминал В. Л. Цветков, — сам сутками не покидал отделения, спал в железной дезкамере, где прожаривали всё, что было на больных, сам искал насекомых, изолировал, лечил — всё сам». К декабрю 1941 г. вспышка тифа была подавлена.⁷⁰

Главной задачей было уберечь военных, находившихся в стенах отделения, от попадания в концлагерь. Поступавших оформляли как гражданских: с одежды снимали знаки отличия, заводили новые истории болезни с диагнозом заразного заболевания, а старые прятали под полом барачного коридора.⁷¹ Выздоровевших выписывали со справками, что они находились на излечении в инфекционном отделении после тифа, и переодевали в гражданское, после чего им помогали скрыться — переправиться через линию фронта, уйти к партизанам или осесть на конспиративных квартирах. По свидетельству старшей медсестры Марии Михайловны Юрасовой, в гражданской одежде выписанные могли «уходить свободно, куда им надо при наличии справки».⁷² Поиском «надёжных людей», готовых принять выписанных под видом родственников, занимался в том числе санитар В. Л. Цветков, связанный с городским подпольем.⁷³

Возможность давать выписанным пациентам точные рекомендации по маршруту передвижения появилась следующим образом. Бухгалтер Владимир Иванович Фадеев вместе с фельдшером И. Д. Мотренко собрали радиоприёмник и установили его в доме у доверенного жителя Орла Н.А. Сычева скрытно изнутри русской печи. Фадеев вместе с Сычевым регулярно слушал и записывал сводки Совинформбюро во время бомбежек, поскольку «это время было

⁶⁸ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 68.

⁷² Там же.

⁷³ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

абсолютно безопасно, т.к. немцы не шлялись по дворам».⁷⁴ На следующий день Фадеев рассказывал доверенным сотрудникам инфекционного отделения и лагерного лазарета полученные сводки; движение линии фронта смотрели по находившейся в приемном покое большой карте СССР. Сверяясь с ней, врачи понимали обстановку и советовали выходявшим, в какую сторону безопаснее двигаться. Место хранения приёмника, кроме самих Фадеева, Сычева и Мотренко, в отделении знал только Турбин.⁷⁵

В тифозном бараке работал молодой врач Ю. Н. Бондаренко, активный участник подпольной группы Валентина Берзина: отсюда он с помощью друзей организовал побег группы лётчиков.⁷⁶

У инфекционного отделения было тесное взаимодействие с жительницей соседнего дома Федосьей Никифоровной Огурцовой, также связанной с подпольем. Огурцова «была в большой дружбе с В. И. Турбиным»: он помогал ей советами и распоряжался о выделении продовольствия с больничной кухни для укрываемых ею партизан.⁷⁷ У неё же укрывались пятеро спасённых лётчиков, позднее ушедших через линию фронта.⁷⁸ Территория отделения и участок Огурцовой были смежными, и, как вспоминал Турбин, «когда к Огурцовой приходили с обыском, то партизаны из её погреба перебежали к нам в больничный сад, где и скрывались от немцев».⁷⁹

Подпольная работа велась под постоянной угрозой разоблачения. Работать в "Русской больнице" было опасно, в отделения подсылались тайные осведомители под видом врачей, сестёр милосердия, больных. В.Л. Цветков отмечал, что доверять никому, кроме коллектива старых работников и военврачей С. П. Протопопова, В. А. Смирнова, Б. Н. Гусева, руководивших подпольной работой, было нельзя. Немцы подозревали, что число смертей в отчётах было завышено, и искали виновных. Неосторожное высказывание в палатах больницы или просто подозрение, а то и ложный донос не раз кончались гибелью в страшных подвалах гестапо на берегу Орлика. Поэтому все патриоты соблюдали конспирацию: на людях, при больных, якобы одобряли немцев, хвалили их чистоту, аккуратность, слыли религиозными и

⁷⁴ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

⁷⁵ Путь длиною в 220 лет... С. 120–124.

⁷⁶ Мартынов М. М. Бастион за дощатым забором // Путь длиною в 220 лет... С. 122–124.

⁷⁷ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 71.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

покорными судьбе людьми. Никто не хотел умирать.⁸⁰ Медсестру В. П. Кушевич, которая работала под началом В.Н. Преображенского, из-за побега больного, бывшего военнослужащим, три дня продержали в гестапо и угрожали повесить.⁸¹

Характерен и следующий эпизод: врач М. И. Попова, по словам В.И. Фадеева, «расписывала прелести правления немцев, сообщала провокационные новости, грозила карами».⁸² Однажды она застала сотрудников инфекционного отделения за картой - они обсуждали ситуацию на фронте, и донесла в комендатуру. Фельдшера лагеря военнопленных Г. П. Чмыхало, который там присутствовал, на 30 суток бросили в карцер, где он выжил чудом, а медсестру Н. И. Яичкину выслали на ликвидацию сыпного тифа из Орла в Моховский район. В. И. Турбина тоже хотели выслать из Орла — в Хотынецкий район, — но главный врач В. А. Смирнов отстоял его, мотивируя тем, что заменить Турбина было некем.⁸³ Этот эпизод показывает, сколь велик был риск: за свою работу медики могли в любой момент поплатиться жизнью.

В последние недели оккупации Турбин неотлучно жил в больнице: «Сам я в течение полутора месяцев жил в больничной дезокамере, ни на минуту не покидая больницы».⁸⁴ Евсютина и Юрасова подтверждают, что Владимир Иванович был «бледный, с отёкшим лицом»⁸⁵, но не уходил домой до самого прихода Красной армии.⁸⁶ Незадолго до освобождения города Турбин, среди многих других здоровых людей, укрыл в дизентерийном бараке шестнадцатилетнего орловчанина В. И. Дмитриевского — будущего врача-травматолога, — бежавшего от полицейской облавы и угона в Германию: оформленный «заразным больным», тот благополучно дождался прихода Красной армии.⁸⁷

Коллеги единодушно отмечали и врачебный дар, и человеческие качества Турбина. В. Л. Цветков говорил, что отсутствие эпидемии среди хирургических больных — «заслуга

⁸⁰ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

⁸¹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания В. П. Кушевич, медсестры «Русской больницы». Л. 28.

⁸² ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

⁸³ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 71.

⁸⁴ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

⁸⁵ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания О. И. Евсютиной (Филипович), медсестры инфекционного отделения.

⁸⁶ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 73.

⁸⁷ Дмитриевский В. И. Это было в 1943... (воспоминания). Музей Орловской областной клинической больницы (предоставлено В. М. Мамошиной).

исключительно заведующего».⁸⁸ О. И. Евсютина вспоминала: «Владимир Иванович, рискуя собственной жизнью, держал в отделении людей, которых надо было спасти от немцев, давал советы, как избежать, чтоб не поставили немцев на квартиру, давал ложные справки, давал советы, чтобы избежать поездки в Германию (когда молодежь угоняли в Германию). Имея авторитет у населения, Владимир Иванович имел, видимо, связь с людьми, которые снабжали его продуктами питания, и он много тащил в больницу, даже и нас, медработников, как он говорил, только угощал, а также всю лишнюю одежду приносил для больных, у которых были военные вещи, переодевали их и выписывали».⁸⁹ Турбина называли «великим диагностом», спасшим всех, кого в тех условиях можно было спасти.⁹⁰ В. И. Дмитриевский впоследствии писал: «Известно, что этот человек большой личной скромности и отваги не был своевременно отмечен в списках награжденных сотрудников-медиков, где ему по праву принадлежит не последнее место».⁹¹

Свой труд медсёстры считали скромным, но искренним вкладом в общую победу. «Я работала сплочённо с В. И. Турбиным, — вспоминала М. М. Юрасова, — я была непосредственным его исполнителем, и все его распоряжения, и просьбы, наставления я выполняла беспрекословно и с большим удовлетворением, так как знала, что всё каким-то образом влияло на победу над немцами; мы вносили небольшое дело, но оно было от чистой души».⁹²

Связь с лагерем военнопленных

Орловский лагерь военнопленных был одним из крупнейших лагерей, созданных фашистами на оккупированной ими территории. Он получил название «Лагерь военнопленных армейского сборно-пересыльного пункта № 20 2-й танковой армии» и располагался в здании Орловского централа (на пересечении улиц Октябрьской и Красноармейской, тюрьма сохранилась и работает на сегодняшний день, рядом с тюрьмой расположено мемориальное кладбище Жертв фашизма); лагерь действовал в Орле в течение всего периода оккупации.⁹³ В

⁸⁸ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

⁸⁹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания О. И. Евсютиной (Филипович), медсестры инфекционного отделения.

⁹⁰ Перельгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

⁹¹ Заявление В. И. Дмитриевского... С. 128.

⁹² ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 73.

⁹³ Саран А. Ю. Фашистские застенки... С. 108–109.

лагерной больницы, размещённой в одном из корпусов, работали русские военнопленные врачи и фельдшеры, тогда как находившиеся в лагере штатные немецкие врачи занимались исключительно отчётностью, не оказывая медицинской помощи заключённым.⁹⁴

Важнейшим направлением работы «Русской больницы» стала связь с лазаретом лагеря военнопленных. В.И. Турбин вспоминал: «В начале 1942 года у нас стала налаживаться тесная связь между нашим отделением и лагерем военнопленных. Связь эта была установлена через нашу сестру Яичкину и фельдшеров из лагеря Чмыхало и Кузьмина, а потом врачи из лагеря Лазунов, Цветков, Гура стали нашими частыми посетителями».⁹⁵

Был свой расчёт и у оккупантов: пленных направляли в больницу для подготовки к допросам или угона в Германию⁹⁶ — тяжелораненого или истощённого пленного сначала требовалось хотя бы минимально подлечить. Немецкий комендант разрешил временно помещать тяжелораненых в хирургическое отделение «Русской больницы», а больных тифом и дизентерией — в инфекционное. Врачи лагерного лазарета пользовались этим и под видом больных нередко доставляли в больницу и здоровых бойцов.⁹⁷ Подвиг врачей «Русской больницы» состоял в том, чтобы не дать поступившему вернуться назад в лагерь, где его ждала почти неминуемая смерть.

Со стороны лагеря связь держали врач Л. Т. Гура и фельдшеры Г. П. Чмыхало и Д. Кузьмин, которые старались направлять пленных бойцов в инфекционное или хирургическое отделение. Ключевую роль играл пленный фельдшер, украинец Григорий Прохорович Чмыхало: он «возглавлял группу санитаров, которые перевозили раненых советских военнопленных в "русскую больницу", под видом тяжелобольных уносил из лагеря и здоровых воинов, от вновь поступающих узнавал о положении на фронте и сообщал врачам подпольного госпиталя».⁹⁸ Н. И. Яичкина вспоминала: «Чмыхало Григорий Прохорович ... вместе с Кузьминым Дмитрием и Пинчук Василием приводили военнослужащих в наше отделение. Они говорили мне, с какой целью поступает больной и куда после выздоровления должен был последовать. Я об этом говорила В. И. Турбину, который потом подготавливал историю болезни с последующей выдачей справки гражданской и маршрутом».⁹⁹ В приёмном покое

⁹⁴ Там же. С. 123.

⁹⁵ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

⁹⁶ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

⁹⁷ Путь длиною в 220 лет... С. 110.

⁹⁸ Биографическая справка о Г. П. Чмыхало // С правдой о войне... С. 86.

⁹⁹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания Н. И. Яичкиной (Меркуловой).

медсёстры М. Юрасова, И. Вашурина или Н. Меркулова заполняли на доставленных гражданские истории болезни, а дальше они поступали в распоряжение Турбина. Документальное прикрытие обеспечивал патологоанатом Владимир Евгеньевич Фарафонов, который «аккуратно вёл список умерших и предъявлял его при контроле жандармам»; сам он умер от истощения весной 1943 г.¹⁰⁰

Особенно изобретательной была система «взаимозачёта». Как свидетельствовала М. М. Юрасова, «умирало безродное гражданское население, и мы их передавали в лагерь военнопленных вместо оставшихся у нас на излечении военнопленных»: тела неизвестных умерших отправляли в лагерь под именами тех, кого на самом деле укрывали и спасали.¹⁰¹ Смертность была огромной, и немцы, веря записям патологоанатома и не вникая в подмену, не замечали подлога.¹⁰² А если проверка все-таки заходила на территорию инфекционного отделения, то, заглянув за ворота, где штабелями лежали трупы умерших от тифа, жандармы «сразу же ретировались».¹⁰³

Связь отделения с лагерем укреплялась и благодаря кадрам: после установления постоянных контактов в тюремный лазарет были направлены врачи областной больницы Л. А. Цветкова и З. В. Горлевская, а также средний и младший персонал для ухода за больными.¹⁰⁴ Инфекционное отделение Турбина и лагерный лазарет фактически слились в единую систему спасения: по словам В. Л. Цветкова, «у нашего отделения появился филиал при тюрьме».¹⁰⁵

Н. И. Яичкина вспоминала о главном враче «Русской больницы» В. А. Смирнове: «Главным врачом работал Смирнов В. А., который с женой жил на территории больницы в I-ом отделении».¹⁰⁶ М. М. Юрасова также писала о нем: «Врач В. А. Смирнов ... относился ко всему как-то безразлично, или ему нужно было так делать. Он как бы закрывал глаза на всё и старался ничего не видеть, ни в чём не участвовать, но и никогда не был против. О том, что мы помогали, он знал, но никогда не заводил этого разговора, старался обходить. Всякие такие

¹⁰⁰ Путь длиною в 220 лет... С. 109–110, 120–122.

¹⁰¹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 71.

¹⁰² Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁰³ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁰⁴ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁰⁵ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁰⁶ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания Н. И. Яичкиной (Меркуловой).

вопросы больше и почти все решал В. И. Турбин».¹⁰⁷

О. И. Евсютина вспоминала: «К концу оккупации немцы оставили много в/служащих в лагере, но не знаю, откуда было знать об этом, только по указанию В. И. Турбина все они были переведены к нам в отделение и разместили их в 6 и 7 палатах 3 барака, кого как, даже на матрасах на полу. Они были давно не перевязаны, стонали, приходилось их перевязывать даже ночью, бинтов не было, были бинты бумажные... Все хлопоты доставались врачу Турбину, он и осматривал больных, и назначал перевязки, и беспокоился, чтоб их было чем кормить».¹⁰⁸

Кульминацией стали последние недели перед освобождением Орла. За три недели до прихода Красной армии врач лазарета Л.Т. Гура попросил Турбина принять из лагеря 10–15 нетранспортабельных тяжелобольных; Турбин согласился и стал выписывать продовольствие на большее число больных, чем было в отделении. Однако доставили не 10–15, а 65 человек — «все они, только лётный и командный состав», — которых при отступлении немцы намеревались взорвать вместе с тюрьмой; кроме них, в отделении укрыли ещё 17 здоровых мужчин призывного возраста и пятерых, скрывавшихся вместе с самим Гурой.¹⁰⁹ Старший врач В. А. Смирнов знал о доставке больных и не препятствовал ей.¹¹⁰

5 августа 1943 г. Орёл был освобождён, и пациенты «Русской больницы» вскоре смогли встать в строй.

Значение работы В. И. Турбина в «Русской больнице»

Значение работы В. И. Турбина в «Русской больнице» можно свести к четырём аспектам.

Во-первых, медицинское значение. За 22 месяца оккупации через инфекционное отделение под руководством Турбина прошли сотни больных сыпным и брюшным тифом, дифтерией и другими тяжёлыми инфекциями — как военнослужащие, так и гражданское население Орла. Подавление вспышки сыпняка к декабрю 1941 г. в условиях полного отсутствия медикаментов, воды и отопления было исключительным профессиональным результатом.

Во-вторых, военно-стратегическое значение. Не считая гражданских лиц, «Русская

¹⁰⁷ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 72.

¹⁰⁸ *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

¹⁰⁹ *Турбин В. И.* Воспоминания... С. 37–41.

¹¹⁰ *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

больница» в целом спасла около тысячи бойцов и командиров Красной армии. Существенная часть этого результата обеспечена работой инфекционного отделения, выполнявшего роль главного укрытия. Освобождённые из больницы военнослужащие либо были переданы советскому командованию, либо ушли к партизанам или через линию фронта.

В-третьих, нравственно-духовное значение. Деятельность В. И. Турбина представляет собой пример соединения врачебного долга, гражданской ответственности и христианской веры в условиях, когда любой из этих мотивов мог стать поводом для гибели. Тайный монашеский постриг, принятый Турбиным ещё в 1934 г., сформировал ту нравственную опору, благодаря которой решение остаться в оккупированном городе и продолжить руководить инфекционным отделением в тяжелых условиях не выглядело для него выбором. Как монах, он не заботился о выживании и своей безопасности, но всего себя отдавал делу спасения ближних.

В-четвёртых, историографическое значение. Восстановление роли В. И. Турбина в работе «Русской больницы» — это пример пересмотра советской «легенды» подпольного госпиталя, в которой имя Турбина было опущено по идеологическим причинам. Возвращение его имени в историю не умаляет подвига других врачей и медсестёр, но восполняет пробел и устанавливает действительный баланс коллективной работы, в которой инфекционное отделение Турбина и его профессиональный авторитет занимали одно из ключевых мест.

Спасая раненых красноармейцев, доктор Турбин не отделял врачебного и гражданского долга от христианского, и в этом, пожалуй, и заключается особый пример его подвига. Тайный монах, отказавшийся от мирских благ и посвятивший себя служению людям, он воплощал евангельские слова, которые сейчас выбиты у него на надгробии: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные источники

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания медицинских сестёр Алёшиной В. А., Кушевич В. П., Евсютиной О. И., Сырцевой Н. Н., Яичкиной (Меркуловой) Н. И., Лифиновой Д. М., Юрасовой М. М., работавших в «Русской больнице», 1962–1966 гг.

2. ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

Опубликованные эго-документы

1. *Баграмян И. Х.* Воспоминания о «Русской больнице», 1964 г. // *Переверзев В. И.* Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

2. *Протопопов С. П.* Врачебный долг и война // Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 117–120.

3. С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сборник документов. Орёл: БУОО «Государственный архив Орловской области», 2015. – 227 с.

4. *Турбин В. И.* Воспоминания. Инфекционное отделение Орловской областной больницы во время оккупации города Орла немцами, 14 сентября 1962 г. // *Полынкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш, 2021. С. 37–41.

5. *Цветков В. Л.* Осторожно, опасная инфекция! // Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Документы. Публикации. Воспоминания. Фотографии. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 120–122.

Литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: сборник архивных документов. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «Воевода», 2020. – 480 с.

2. *Мартынов М. М.* Бастион за дощатым забором // Путь длиною в 220 лет. Страницы

истории Орловской областной клинической больницы. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 122–124.

3. *Мартынов М. М., Эвентов А. М.* Подпольный госпиталь. Тула: Приокское книжное издательство, 1964. – 210 с.

4. Орловский военный вестник: Военно-исторический журнал. Вып. 4: 75 лет начала оккупации Орла. Орёл: Картуш, 2016. — 152 с.

5. *Павлова Т.* Тайный монах // Орловская правда. 2005. 30 апр. С. 3.

6. *Переверзев В. И.* Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). Орёл: Вешние воды, 2005. С. 139–160.

URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

7. *Перелыгин А. И.* Орловская епархия в новейшей истории. Белгород: Константа, 2022. – 272 с.

8. *Полынкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш, 2021. – 152 с.

9. Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Документы. Публикации. Воспоминания. Фотографии. Орёл: Вешние воды, 2002. – 352 с.

10. *Саран А. Ю.* Фашистские застенки. Концлагеря и тюрьмы оккупированной Орловщины 1941–1943 гг. Орёл: Картуш, 2026. – 440 с.

Интернет-ресурсы

1. *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович — врач-инфекционист, заведующий инфекционным отделением больницы МОПРа, в 1941–1943 гг. один из организаторов «Русской больницы» // Портал «Орёл по-русски». 21.12.2025. URL: <http://орёлпорусски.рф/2025/12/21/turbin-vladimir-ivanovich-vrach-infeksionist-zaveduyushhij-infeksionnym-otdeleniem-bolnitsy-mopra-v-1941-1943-gg-odin-iz-organizatorov-russkoj-bolnitsy/>

Приложение 1. Карта расположения Инфекционного отделения

Расположение зданий, связанных с Больницей им. МОПра, Военным госпиталем № 399 и Лагерем военнопленных, установлено на основе немецкой аэрофотосъемки г. Орла от 11.08.1943 (URL: https://retromap.ru/14194381_z14_52.974152,36.057472).

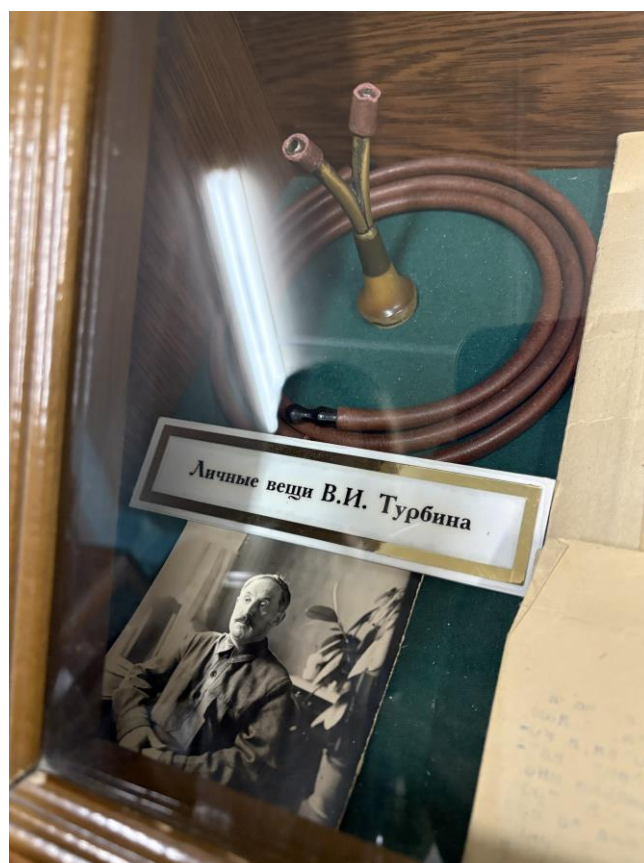
Приложение 2. Фотографии

Барак инфекционного отделения. Фото из Музея ООКБ.

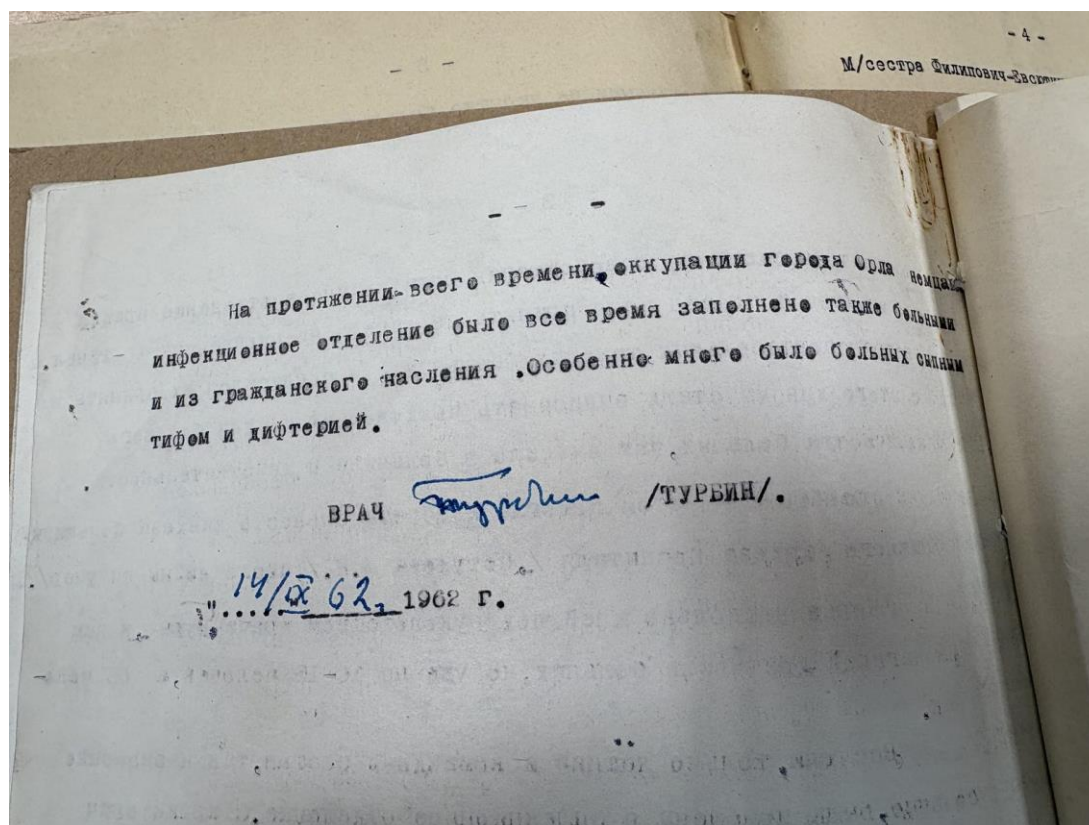
В. И. Турбин — начальник инфекционного отделения «Русской больницы». Фото из Музея ООКБ.

Личные вещи В. И. Турбина. Фото из Музея ООКБ.

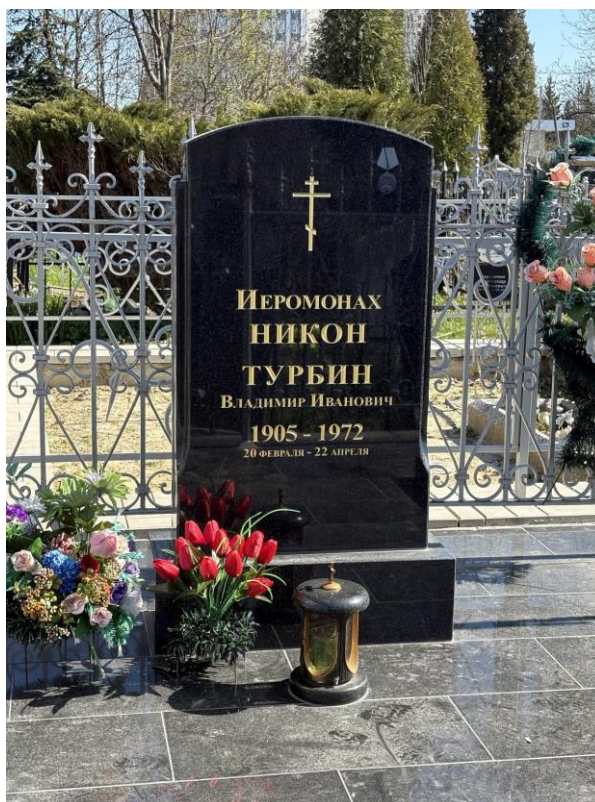
Столик и письменный прибор, принадлежавшие В. И. Турбину. Фото из Музея ООКБ.

Отрывок из «Воспоминаний» доктора Турбина (ГАОО).

Дом Турбиных (г. Орел, ул. Р. Люксембург, 19). Фото из личного архива автора.

Могила В. И. Турбина на Троицком кладбище г. Орла. Фото из личного архива автора.

Мемориальная табличка на здании ООКБ (г.Орел, б-р Победы, 10). Фото из личного архива автора.